

Галина Феликсон

Одесские рассказы

Мансы старого двора

Прямоугольник двора с квадратным садиком посередине был аккуратно окружен с четырех сторон серыми плоскостями трехэтажного дома. Некогда «в старые времена» это был большой respectable дом с двумя магазинами по разные стороны ажурных ворот подъезда. Фасад украшали балконы с решетками, повторяющими узор ворот. Дом, переживший революционные бури, гражданскую и отечественную войны, изрядно постарел, обветшал. Исчезли магазины. Некогда частные квартиры стали многосемейными коммуналками. Даже кладовые и ванны, не говоря уже о магазинах, приспособили под жилые помещения. Но, как ни странно, большинство прежних жильцов уцелело. Втиснутые при уплотнении всей семьей в одну из перегороденных изуродованных комнат, вынужденные толочься на ставшей вдруг общей кухне, люди по-прежнему дружили, ссорились, мирились и, как умели, помогали друг другу выжить в любых непривычных условиях. Когда-то во времена погромов одни соседи прятали других, в лихие революционные другие прятали первых. В войну оставшиеся старались сберечь максимум вещей ушедших на фронт и уехавших в эвакуацию, пытались спасти тех, кто не успел уехать, что, к сожалению, удавалось крайне редко.

Красавица Сонечка Иванченко, в девичестве Фишман, родилась и выросла в этом доме. Здесь и замуж вышла за самого красивого во дворе мальчика Валерика. Поженились они сразу после школы. Когда они шли по улице, люди оборачивались и улыбались – такая была пара. С первых дней войны Валерик ушел

на фронт. Сонечка с тремя детьми шести, четырех и полутора лет уехать не успела: опоздала на последний уходивший из Одессы пароход. Свекровь спрятала ее и детей в подвале в глубине двора, где хранились дрова и дворничьи принадлежности. Но ключ от сарая пришлось просить у дворничихи – тетки, объявившейся в доме года за два перед войной. Эта дворничиха потом и выдала. Через пару дней румынский офицер с двумя солдатами забрал и Сонечку, и ее свекровь. Детей не тронул. Пожалел. Соседи разобрали малышей, перепрятали по одному в разных местах. Дворничиха на этом не успокоилась. Через несколько дней во двор ворвались немцы. Эти никого не жалели. Перерыли весь двор. Двоих детей нашли. Забрали вместе с прятавшими их людьми. Третий ребенок, самый младший, исчез. Исчезла и приютившая его женщина. Куда – никто не знал. И только через несколько месяцев после конца войны пришло одной из соседок письмо без обратного адреса, в котором сообщалось, что малыш жив и здоров, считает свою спасительницу мамой, и поэтому возвращаться в Одессу женщина не намерена.

Одессу освободили от фашистов. Соседи написали в соответствующие органы письмо, перечислили все подлости и грехи дворничихи. Но, может быть, таких дворничих было немало, и именно до этой еще не дошли руки. Поэтому тетка ходила по двору победительницей и скалила подгнившие зубы: «А ничего мне не будет!». Через неделю ее нашли повешенной в дворовом туалете. Прибывшей милиции соседи заявили: «Совесть, должно быть, замучила, что людей выдавала и квартиры грабила».

Все когда-нибудь заканчивается. Вот и войне пришел долгожданный конец. Прежние соседи потихоньку возвращались в родной дом. Не все, конечно. Взамен не вернувшихся появились новые люди. Были они разные – кто получше, кто похуже. Но все-таки прежнее лицо двора постепенно восстанавливалось из обломков и развалин.

Зимой было тихо – на то и зима. Но весной двор оживал, наполнялся привычным почти довоенным шумом. Утро, как и прежде, начиналось с переклички двух подруг. Звали их одинаково – тетя Маня. Дружили они, по их собственному выражению, «сколько себя помнят». И хоть были разных национальностей, выгляде-

ли и говорили совершенно одинаково. Одна из них жила на первом этаже, другая на втором. Но окна были наискосок, так что им было друг друга и слышно, и видно. Так вот часам где-то к семи утра с грохотом распахивалось окно на втором этаже, и на весь двор раздавалось:

– Маня! Ты уже встала?

Внизу с таким же шумом распахивалось окно первого этажа, и оттуда гремело:

– Маня! Ты что-то хотела мне сказать?

– Нет! Я только хотела узнать, или ты проснулась?

– Ну я таки проснулась. Так ты теперь спускайся с твоего этажа пить чай. Я вчера такие коржики спекла, что ты их проглотишь вместе с языком.

– Здрасьте! Так я ж таки тоже хотела, чтоб ты поднялась наверх. Я ж прямо с утра нажарила блины, что ты таких еще не видела.

– Ой, или я не знаю твои блины! Так я уже пошла наверх вместе с моими коржиками.

По воскресеньям после обеда в дворовом садике собирались Миша, Петя и Валера, вернувшиеся с фронта. Когда-то они не дружили из-за разницы в возрасте. Теперь годы войны уравнили их.

Миша до войны был часовым мастером. Его знали все от Соборной площади до Нового базара – у него были золотые руки. Он мог починить любые самые сложные часовые механизмы, старинные и «теперешние». С фронта Миша вернулся без пальцев на обеих руках. После войны стало модно натирать полы в комнатах красной мастикой. Миша стал полотером. А кем еще можно стать с такими руками? Новую свою работу он ненавидел.

Петя перед самой войной закончил театральное училище и только-только начал работать в Русском театре. Единственная роль, которую Петя успел сыграть, – Труффальдино из пьесы Гольдони, где нужно было много танцевать. Домой он вернулся без ноги. С театром было покончено. Он научился играть на аккордеоне. И это стало его специальностью: играл перед началом фильмов в кинотеатрах, в ресторанах, иногда на свадьбах.

Валера – тот самый красивый мальчик, муж погибшей Сонечки. Война не только оставила его без жены, детей и матери, она

его изуродовала. Левая половина его лица была обожжена и покрыта грубыми шрамами. Но зато у него были целы руки и ноги. В отличие от Миши и Пети, он мог работать, как до войны.

Ну вот по выходным эти «человеческие обломки», как они сами себя называли, сидели в дворовом садике с бутылкой и нехитрой закуской. Петя наигрывал старые довоенные песни, Миша с Валерой негромко подпевали. Заканчивалось всегда одинаково: Петя играл «Семь сорок», Валера и Миша танцевали, положив руки на плечи друг другу. Соседи смотрели из окон и говорили уважительно: «Фронтовики гуляют».

Иногда, выпив чуть больше обычного, кто-нибудь из них срывался на истерику со слезами и матом. И тогда во двор выходила Раиса Анатольевна – старая учительница литературы, у которой все трое некогда учились. Она останавливалась на середине двора и строго говорила:

– Мальчики! Что вы себе позволяете? Кругом же люди! На вас же все смотрят.

«Мальчики» смущенно замолкали, собирали остатки трапезы и разбредались по домам до следующего воскресного дня.

Жила в доме еще одна Маня. Появилась она сразу после освобождения Одессы с двумя дочками и двумя внучками – детьми старшей дочери. Поселилась семейка в подвале, где когда-то находились контора и склады магазина «Колониальные товары». Подвал этот не был никем занят ввиду его полной непригодности для жилья. Нет, окна там были, но через них все равно ничего не было видно, потому что выходили они на стенку. Удобств там тоже никаких не было. Но Маню и ее семейство это устраивало: чем меньше на них смотрят, тем спокойнее. А к остальному они как-то приспособились. Люди вообще умеют справляться с бытовыми трудностями – это их морально закаляет.

Во дворе третью Маню звали баба Маня-бандерша. За глаза, конечно. А при встрече старались тихо пройти мимо, потому что у бабы Мани был такой «черный рот»... Старшая дочка Шурка, по мнению двора, была порядочная. Она где-то работала то ли санитаркой, то ли уборщицей, почти не пила и в свою комнату с отдельным входом мужиков не водила.

Зато младшая Лизка чуть не ежевечерне закатывала шумные гулянки, именовавшиеся вечеринками. Как раз из-за окон, смотревших на пустую стенку, эти гулянки мало кому мешали. Но больше всего Лизка любила выходить замуж. Примерно раз в полгода к дому подъезжала машина. Оттуда, чуть покачиваясь (трезвой ее никогда не видели), появлялась Лиза в белом платье, длинной фате, с букетом цветов. За ней, так же покачиваясь, шел некто с бутылкой. Платье было одно и то же, мужья разные. Одна из племянниц переливала дорогу водой, другая подносила на большой тарелке хлеб-соль. Дальше, как всегда, шла обычная вечеринка с танцами под патефон и выпивку. Под утро, как правило, вместе с уходящими гостями куда-то исчезал и новый муж.

Племянницы пошли в тетю. Они «гуляли». Кавалеры были с Нового базара, из-под гастронома на углу Торговой, а летом еще и с Дюковского сада, куда сестрички ходили на танцы. Где они болтались и чем занимались, знали только они сами. Но каждый вечер аккуратно к половине двенадцатого бабушка, то есть Манька-бандерша, выходила из ворот и громко зывала:

– Зина! Оля! Домой!

После двух-трех таких воплей из ближайших подворотен выскакивали сестрички, на ходу приводя себя в относительный порядок. За ними шествовали недовольные «кавалеры». И тут баба Маня хорошо прокуренным баритоном оповещала на весь квартал:

– Молодые люди! Разве вас никто не учил, когда нужно приводить домой порядочных девушек?

Затем, обращаясь к внучкам, не сбавляя тона:

– Сколько еще раз я должна вам сказать... – дальше шли сплошные идиоматические выражения, – что приличным девочкам полагается в одиннадцать вечера таки сидеть дома с родителями.

Кавалеры медленно отступали, пытаются раствориться в ночных тенях. Девицы, шмыгая носами, покорно удалялись за разгневанной бабушкой.

Ненадолго становилось тихо. Когда из черных тарелок радиоточек торжественно плыли звуки гимна, двор оглашался пронзительным воплем:

– Выйди, Майка! Выйди! Я кому сказала, выйди! Марш уже домой, наконец! Или я не знаю, что тебе сделаю! – так соседка с третьего этажа звала домой свою загулявшую кошку.

Это были последние аккорды уходящего мирного летнего дня в старом одесском дворе...

«Ах, эта свадьба»

Дом был старый, построенный в первые годы основания Одессы. Сам город вырос на берегу Черного моря на месте турецкой крепости Хаджибей. Дом оказался не в центре города, но и не на окраине. Здание строилось, как и все прочие, из ракушечника, который добывали под землей, образуя сложную сеть пещер – катакомбы.

Во дворе небольшого дома весь второй этаж опоясывала деревянная галерея. И жили здесь в далеко не комфортабельных условиях люди разных национальностей: русские, украинцы, евреи, молдаване, болгары и греки. Они дружили, ссорились, мирились, обсуждали цены на Новом базаре, помогали друг другу в бытовых мелочах. Летом все окна двора были распахнуты, и никаких секретов не могло быть. Жильцы говорили на одном языке – одесском.

Однажды в пятидесятые годы здесь произошло неординарное событие, возбудившее всех жильцов.

Во второй половине выходного дня из окна третьего этажа раздался сердитый женский голос, изредка перебиваемый неуверенным мужским. Обеспокоенная мадам Смирнова вышла на противоположную галерею, прислушалась и крикнула наверх:

– Фира, шо вы так громко кричите на своего сына? Шо он вам не так делает?

– Надя, зачем оно вам надо знать за наших неприятностей?

– Затем, что ваш Семка бегаёт до моей Верке.

– Знаете, что я вам скажу? Пусть ваша Верка не морочит голову моему Семке. Тогда он начнет бегать в другое место.

– За другое место вы имеете в виду Лизку? Так Лизкин папа такой великий пуриц, что ему ваш Семка сто раз не надо.

- Вы имеете сказать, что мой Семка надо вам?
- Почему нет?
- А я знаю? Мало ли что. Может быть, вам не подходит наша фамилия?
- Что вы такое говорите, Фира? Вы меня держите за Милку с пятой квартиры? Теперь я понимаю, зачем вы кричали на бедного мальчика.
- Ну я только хотела ему что-то объяснить...
- И шо он вам ответил?
- Так он мне сказал, что любит вашу Верку.
- О! Тогда почему он молчит, как памятник Воронцова на Соборной площади? Пусть уже откроет рот и делает предложение. Потому что Колька с первого этажа уже два раза зовет Верку в кино.
- И шо, Верка ходила?
- Фира, шо вы такое говорите? Моя Верка порядочная. Она ходит только с вашим Семкой.
- Да? Тогда я даю Семке деньги на купить цветы. Нет, лучше пойду с ним, а то ему всунут такие, которые завянут пока он донесет.
- А за фамилию не берите в голову - Вера Вицман звучит прямо музыка.

Дамы говорили достаточно громко, так что весь двор уже знал - будет свадьба.

Такое важное событие не могло оставить равнодушными жителей дома. Вечером на галерее второго этажа собралось шесть человек: четыре немолодые дамы, свободные от работы, и двое мужчин, Абраша и Жорик, бывшие фронтовики, давние друзья и всеобщие помощники по мелким ремонтам. Жорик доставал дефицитные стройматериалы, а Абраша, рубщик мяса в мясном корпусе Нового базара, еще мог и подбросить продукты своей работы. Женщины Катя, Рива, Оксана и Милена родились и выросли в этом доме на Торговой улице. Расстаться им пришлось только однажды на четыре тяжелых долгих военных года. Теперь они снова вместе дружно решали все мировые дворовые проблемы, потому что у них по всему городу были нужные знакомые.

Все собравшиеся жарко обсуждали, размахивали руками, вскакивали с табуреток, спорили, как лучше отпраздновать такое выдающееся событие – первую послевоенную свадьбу во дворе. Решать необходимо было, сколько будет участников застолья, хватит ли на галерее места и что поставить на стол. Время было нелегкое.

– Ша! Послушайте сюда, – оборвала общий галдеж Катя. – Абраша, ты сможешь принести телячью вырезку для котлет?

– Или! Только скажите, на когда.

– Шо не на завтра, так это точно. Главное рыбу, короп, можно взять у нас на базаре, но лучше с Херсона.

– Кому дадим делать рыбу?

Зрители и слушатели из окон тоже вступали в разговор.

– Я, я буду фаршировать рыбу, – раздался голос с первого этажа.

– Ой! Вы слышите ее? Тоже мне шеф-повар графа Потоцкого. Рыбу делаю я, а тебе оставим форшмак и голую селедку. Их тоже надо уметь.

– Дамочки, кончайте базарить, как те торговки с Привоза! Рыбы надо много, чтоб людям хватило, и всем будет чего делать.

– А мне поручите жарить бычки, если Сима поймет пару бутылок с маслобойного завода, который возле Чумки. Постное масло с магазина – не фонтан.

– Курей готовить будем? Когда я спросила Соню, почем брала курицу, она мне ответила, что один лох отдал ее за червонец.

– Яйца Маруся пусть отберет на складе пищепрома. Там для начальства всегда свежие.

– Перестаньте сказать все за покушать! Невесте надо приличное платье, а то в ее бебехах ничего такого нет. Я могу сходить в комиссионку, если скинемся. В ателье давать нельзя, стырят половину и получится ночнушка.

– И жениха тоже не мешает одеть, а то он ходит, как халамидник. Галстук напрокат даст Коля, главное, чтобы Семка потом им не залез в свой любимый соус из синих.

– Бутылки «Столичной» оставим решать Ване. Он умеет рассчитывать, сколько кому надо.

– Вино Ксюша принесет с винзавода на Французском бульваре. Фима нам сделает весело своим баяном.

– Все, больше ничего не берем в голову. За остальное пусть Верка с Семкой думают сами.

В долгожданный день с раннего утра дамы разошлись по кухням. Застучали ножи, загремела посуда, наступила удивительная тишина – женщины закрыли рты. Вскоре из окон поплыли ароматы, от которых кружилась голова и текли слюни. Мужчины сосредоточенно составляли из нескольких столов один длинный, выносили стулья. Стол накрыли скатертью из накрахмаленных простыней.

К двум часам все переоделись в наряды, уцелевшие вопреки жизненным неприятностям и лишениям. На столе расставлялись миски, блюда, тарелки с праздничной едой. Такого шикарного стола жители дома не помнили.

Ровно в два часа появились молодые в сопровождении сияющих родителей. Невеста в новом платье выглядела, как Золушка, переодетая принцессой. Жених был похож на модного фраера из американского фильма.

И пошло застолье под длинные тосты и короткое «Лехаим!». После многократных выкриков «Горько!» для большей торжественности слово предоставили соседу, работающему в горсовете помощником заместителя.

Он встал, вынул из кармана и развернул большой лист бумаги.

«Дорогие молодожены, уважаемые соседи, граждане нашего двора! В этом доме построена новая ячейка семьи на радость городу-герою. Пусть им светит все хорошее, что у нас есть...»

Он говорил бы еще долго, но Абраша нетерпеливо проворчал: «Чего этот швыцер здесь выпендривается?». И своим хриплым баритоном громко запел про Мурку с Рабиновичем. Едва отзвучала последняя фраза песни, с другого конца стола высокий тенор Васи зарыдал: «Друзья, купите папиросы. Посмотрите – ноги мои босы...».

Звенели ложки-вилки, все были вежливы и галантно передавали друг другу блюда. Под общий шум и веселье пожилые люди тихо переговаривались, вспоминая другие времена, другие годы.

Когда опустели бутылки, а от селедки остались голова и хвост, гости не спеша спустились вниз. Фима сел на стул, поставленный посередине двора, и заиграл на баяне «Семь сорок». Танцевали

все: русские, украинцы, евреи, молдаване, греки, болгары. Они ведь были одной национальности – одесситы.

Одесские традиции

Вот мы с вами за традиции заговорили. И я тут вспомнила опять за Одессу. Потому что именно там когда-то были традиции. Самое интересное, что на Молдаванке они были одни, на Пересыпи тоже были, но уже другие. Но возле Нового базара традиции были такие, что прямо слов нет. А как же иначе, если всего каких-то десять минут ходить от Дерибасовской.

И вдруг, представьте себе, Мونها-рубщик с мясного корпуса женится на Манюне, у которой папа дамский портной на Молдаванке. Конечно, там родственники и гости со всех трех мест. Свадьбу делают в ресторане «Волна» на углу Екатерининской и Ланжероновской почти рядом с оперным театром, где в далеком прошлом Котовский делал свою революцию. Кто хоть один раз был в Одессе, это место знает. Тут, надо сказать, когда все, кто пришел, сели за столики каждый со своими традициями и понятиями, так английский лорд посереде них выглядел бы последним биндюжником. До того все было благородно – ну чисто Букингемский дворец. Мужчины в пиджаках, на манжетах – запонки, женщины в кримплене. Руками не махали и говорили по очереди «Лехаим» и «Нахес», и «Чтоб ты был мне здоров» почти без акцента.

Вдруг Фима со стороны невесты выпил в первый раз лишнюю рюмку и встал из-за стола. Он поднялся совсем за другим делом, но случайно посмотрел на чужой столик сбоку музыки и сразу забыл, куда ему надо. Потому что там посереде двух здоровых бугаев и одной тетки сидела такая девочка, каких Фима раньше в жизни не видел. А тут музыканты заиграли что-то ну прямо до слез, и ноги сами понесли Фиму к тому столику. И Фима сказал, как положено по всем традициям, тихо и вежливо:

– Позвольте пригласить даму на танец?

Он еще не успел договорить, как один из этих лбов встал на полторы головы выше бедного Фимы и гаркнул сверху:

– Это где тут тебе дама?

Фима сразу понял, что это люди со Слободки, где вообще никто не имеет малейшего понятия за традиции и даже просто за манеры. Но Фима же как-никак вырос в приличной семье и воспитание получил от покойной бабушки. Поэтому, заметив, что вся свадьба уже смотрит в их сторону, и в любую минуту Букингемский дворец может-таки превратиться в Базарную площадь, Фима попросил, как мог вежливо:

– Та вы сядьте, сядьте, потому что мне трудно говорить с вами туда наверх.

Мужик от удивления сел и аж рот открыл. А Фима продолжал, как ни в чем не бывало:

– Я, конечно, очень извиняюсь, но вы кто до этой замечательной красивой девочки? Вы у ней муж или как?

– Не, я ей старший брат Гриша. И она никакая не дама, а порядочная девушка, потому как я сам ее воспитал без родителей. И никаких ни мужей, ни кавалеров у ней нет. А есть единственная тетя, шо вот она сидит здесь вместе со своим сыном Петей. И мы тут в этом ресторане из-за того, что как раз нашей Тосе сегодня исполняется ровно восемнадцать лет.

Фима даже не стал скрывать, как его такое сообщение обрадовало.

– Чтоб я так жил! Тогда я вас всех поздравляю с большим пожеланием счастья. И из-за такого дела нам надо сразу серьезно поговорить.

Он пошарил вокруг глазами в поисках, на что бы присесть. Но, не найдя ничего свободного, объявил:

– Прошу пардона, я отойду всего на одну минутку.

Фима быстрым шагом пересек зал, подошел к своему столику и, подхватив одной рукой свой стул, а другой тарелку с недоеденными закусками, отправился в обратный путь, раздвигая танцующую публику стулом и вежливо извиняясь, когда кто-нибудь попадал локтем в его салат. Добравшись до места назначения, Фима опустил стул между сразившей его наповал красавицей и ее братом, небрежно раздвинул посуду на столе, чтобы установить свою тарелку, и, одарив совершенно обалдевшую от такого невиданного нахальства семью самой обаятельной из всех своих улыбок, изрек, обращаясь ко всем четверым сразу:

– Поскольку я полюбил вашу Тосю прямо с первого взгляда и имею до ней самые серьезные намерения, то сначала должен сказать пару слов за себя. Мне двадцать два года. У меня есть специальность, которая даст мне прилично содержать жену и даже детей, когда они будут. Моих родителей уважает вся улица Нежинская. И я прошу разрешения встречаться с Тосей, чтобы в ближайшее время отпраздновать в этом самом ресторане нашу с нею свадьбу.

Но вместо Тосиного брата Гриши почему-то вдруг выступил тетин сын Петя.

– Я что-то не понял! Это ты вот так прямо сразу сватаешься до нашей Тоськи?

– Ну и шо тут неясного? Я же все объяснил доступными словами. Да, сватаюсь. Да, до вашей Тоси. Так шо вам не подходит? И почему вместо Гриши я должен что-то рассказывать Пете? У вас есть свои планы в этом вопросе?

Тут Гриша наконец достаточно пришел в себя чтобы открыть рот.

– Человек правильно говорит, Петя. При чем тут ты? Но у меня тоже есть интерес знать, какая такая у вас специальность, что вы так за себя уверены?

– Допустим, что я работаю в большом гастрономе угол Дерибасовской.

– Так допустим или работаешь? И если да, так кем?

– Точно работаю. Можете хоть завтра зайти спросить. Электриком работаю.

– Интересно. И почему ты считаешь, что лучше тебя для моей сестры никого нет?

– Здрасьте, это же совсем понятно. Во-первых, потому что как раз на складе в этом гастрономе всегда все есть, даже если нигде больше ничего нет. Во-вторых, электрик – такая работа, что всюду можно найти себе халтуру. Так вы согласные или что?

Тут опять почему-то встрял тетин Петя и стал долго объяснять, что подумает, большое дело – электрик. А Гриша его перебил, что если хорошо посмотреть, так любой грузчик имеет не меньше того электрика. Дальше они уже буквально делали оперу дуэтом, что зачем это надо Тосе какой-то непонятный

Фима, когда вокруг и без него полно других вполне себе приличных людей. И они не для того ее воспитывали, чтобы отдать за муж первому встречному.

Они, может быть, еще долго бы говорили разные вещи, не давая Фиме даже что-нибудь высказаться. Но первой не выдержала тетя, которая Петина мама. Она до того не выдержала, что хлопнула по столу ладонью, аж подпрыгнули все тарелки на столике и ближайšie соседи. Потом она сделала рукой оркестру, чтоб уже, наконец, перестали играть и дали людям сказать пару слов. И тетя обратилась до Фимы:

– Молодой человек! Что ты молчишь, как граф Воронцов посреди Соборной площади? И что ты их так внимательно слушаешь? Нашел кого слушать. Вы только посмотрите на этих воспитателей! С вас же воспитатели, как с меня балерина. Что хорошего два таких гицеля могут научить домашнюю девочку, я вас спрашиваю? Главное, подходит до стола мальчик, сразу видно, из хорошей семьи, вежливо обращается, чтоб познакомиться с нашей Тосечкой, так эти двое делают ему цирк с опереттой. Гриша, ты что-то имеешь возражать? Так и нечего со мной спорить. А тебя, Петя, вообще никто не спрашивает. Сиди ровно и кушай свою котлету. За слободскую шпану я ее не выдам! Единственное, за что я первым долгом интересуюсь, или вы пьете, или как. Потому что я обещала ее покойной мамочке, а моей дорогой сестре, что выходить девочке замуж за пьющего я не позволю. А все остальное, как я вижу, мне для вашей семейной жизни вполне подходит.

– Та я ж вообще не пью. Только сегодня, и то чуть-чуть, поскольку свадьба. А так – нет. И потом, я же никогда Тосе плохого слова не скажу, чтоб я так жил!

– О! Уже хорошо. Тося, подними теперь глаза со своей тарелки и посмотри сюда на мальчика. И если тебе он понравился, как мне, так я не против, чтоб он с тобой встречался. И можешь уже пойти потанцевать.

Тося подняла голову от тарелки на Фиму. А надо сказать, что Фима, хоть и не Шварценеггер, и даже не Сталлоне, но тоже вполне себе интеллигентно выглядит, тем более в пиджаке и новых штанах. Так что девочка явно осталась довольна.

И чтоб вам долго не рассказывать, ровно через два месяца свадьбу делали в этом самом ресторане. Конечно, опять были родственники и гости со всех мест Одессы и при всех манерах. Правда, Гриша с Петей немножко подкачали, что выпили лишнего и запели про мороз. Зато тетя выдержала все традиции – чисто королева в отставке. И был вечер, и было утро, и была долгая и счастливая жизнь...

